

МАРЬЯНА
ДИМИТРИ

Морковка

в его офисе

Марьяна Димитри

Морковка в его офисе

<https://litres.ru/74283874>

Аннотация

Она всего лишь неуверенная в себе практикантка. Минимум знаний, минимум опыта. Зато много неловкости, неуклюжести и невзрачности. Она так часто краснеет лишь при одном обращении к ней, что Он за глаза зовёт ее - Морковь. Он - опытный мачо и карьерист. У него пронизывающий цепкий взгляд, и он не терпит непрофессионализма. Между ними нет ничего общего, но судьба сводит их, и не зря.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	9
Глава 3	14
Глава 4.	20
Глава 5.	30
Глава 6	36
Глава 7	51
Глава 8.	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Глава 1.

- Маркова! Анна!- слышу прямо над ухом рассерженный голос секретарши генерального.

- Я!- вскидываюсь из-за горы документов, - что случилось?

- До тебя ...как до жирафа, Аня! Надо быть собраней. Я кричу, кричу, а ты словно специально..

- Так что? Пожар? Потоп?- уже несколько успокоенно выясняю я, продолжая глазами втыкаться в экселевскую таблицу на мониторе. Ну не сходится у меня итог и все тут! Где-то лишнюю единицу добавила, но где?

- Маркова!!!- я подпрыгиваю на стуле.

- Я так заикой с тобой стану, Сукнова! Чего ты орешь-то? Что надо? Мне отчет сдавать через полчаса! - кричу я в ответ.

- Опоздала ты, Маркова, с отчетом! Некому сдавать!- ехидно поджав губы, ответила Сукнова. Подсократить бы её фамилию... для полного соответствия, так сказать.

- В смысле? - отвечаю я.

- Нашего старика только что сняли с должности. Вот, прислали из Главка! - и она торжествующе вертит перед моими глазами бумажкой. - Наконец - то придет кто-то нормальный! Говорят, пришлют самого Лёдова!

- Какого Лёдова? - всё ещё не понимаю я.- Что происходит? За что снимают? Нормальный же генеральный был?!

- Это для тебя, Маркова, Статский был нормальный. Потому что нормальных ты, наверное, ещё не видела. - Смерив меня оценивающим взглядом и ухмыльнувшись, не признав соперницы, Сукнова изогнулась в любимой позе, оттопырив ногу в сторону. Хорошая, кстати, нога у нее, подкачанная такая, - мстительно отметило мое подсознание, - и у тебя была бы своя не хуже, если б ты не просиживала дни и ночи над отчётами, а посещала спортзал. Но, увы, я не могу. Я ничего не успеваю сделать из порученного. Задания только и делают, что копятяся на моем столе. И мне даже кажется, что я вижу следы безысходности на лицах тех, кто их приносит. Ибо просить меня поторопиться невозможно. Я все равно не успею. Так и живём. Я осваиваю будущую профессию, а она яростно сопротивляется. И вот же гадость- в теории я знаю все прекрасно, но как начинаю делать, начинаю

торопиться, теряюсь, и допускаю ошибки. Борис Ефимович - наверное единственный, кто верил в меня, и вот, он уже уходит, а до конца практики ещё половина срока! Прощай практика, прощай нежные мечты о возможном быстром трудоустройстве после окончания вуза...

- Маркова! - снова окликнула меня Сукнова.

- Ну что еще? - устало отозвалась я, потирая виски, а также тайно и тщетно мечтая, когда же эта прекрасная женщина уйдет отсюда своими красивыми ногами, оставив меня в тишине разобраться с заданием.

- Так что ты сидишь? Я же говорю тебе - генерального убрали. Сейчас общий сбор объявили. Все должны быть в конференц-зале. Будем встречать нового ... Вставай и тащи свою тушку побыстрее. ...Тебе б переодеться не мешало... впрочем, и так неплохо.... Иди.

Я глянула на себя в зеркало и вздохнула. Однако, мне не мешало не столько переодеться, сколько хорошо выспаться, да кто ж даст? С шести утра я уже на остановке жду автобус и мчусь в универ. А сразу после пар, захватив в кафе по пути лишь ирландский кофе, стартую на практику в ООО "СтройРесурсСнаб". Время рассчитано по минутам, иначе всюду опоздаю.

И все благодаря моему соседу - тому самому Статскому,

старую собаку которого я выгуливала почти весь прошлый год, пока не хозяин лежал в больнице. Когда его грузили на "скорую", его колли все бегала вокруг, скулила, пыталась залезть в машину. Ее отгоняли, а старик просто плакал, не имея сил ничем ей помочь. Я не смогла тогда пройти мимо. Пожалела и ее, и соседа, забрала животину к себе. Ну не пропадать же ей... А потом Статский оказался не просто соседом, а целым гендиром большой компании. Конечно, мне на курсе в это никто не поверил, но это уже их дело, верно?

Я шла по коридорам в сторону конференц-зала и сердце мое стучало все сильнее. Конец тебе, Маркова, конец. Если сняли Статского, то точно конец.

- Ой!- воскликнула я, врезавшись в кого-то. Ощущения были, словно меня с силой толкнули в стену. Как же больно-то....Кажется, я действительно в кого-то врезалась.

Какой-то мужчина стоял передо мной буквально на коленях и ...

- Девушка! Вы смотрите, куда идете! Аккуратнее надо! - он поднял на меня свое лицо и я совсем забыла, как дышать. Он что-то говорил мне сердитое, грозно хмурил брови. А потом мы встретились глазами и со мной случилось то, что всегда происходит со мной против воли и я никак не могу этим управлять. Я просто краснею. Густо и беспощадно. Как

какая-то девица тургеневская.

Если посмотреть правде в лицо, всему виной - стресс и недостаток общения. Если же смотреть правде в лицо и не отводить взгляд, всему виной - тотальное отсутствие парня. Но я никогда этого не признаю. Так и живу во лжи. Хотя, по всей вероятности, ложь моя не так уж и греховна, ведь лгу я ... только себе. А этот представитель сильной стороны человечества, уже все про меня понял. Взгляд сканирующих глаз сменился с заинтересованного на скучающие-отстранённый. Так смотрят кассиры, продавцы или случайные прохожие, которым нет до тебя никакого дела. Только вот я, кажется, влюбилась с первого взгляда. Если он сейчас ещё помедлит немного, точно наговорю глупостей и сделаю всю эту глупую сцену ещё глупее.

Глава 2.

- Девушка, вы куда шли? - тем временем мужчина встал во весь свой немаленький рост, расправил плечи и, кажется, заполнил собой весь коридор.

- Я? - приколы, я ещё могу что-то ему говорить. Но это случайно, от шока, скорее всего.

- Вы! Вы куда шли? В конференц-зал, наверное?- все пытался достучаться до меня незнакомец.

- Два, а вы тоже?- пролепетала я. Нет, никуда не годится. Нужно быстрее собраться и сказать какое-нибудь согласованное предложение, не только междометия и местоимения.

- Вы тоже туда идёте?

- Да. Идёмте. Там уже все собрались, скорее всего.

- Дааа.

И я двинулась вперёд, потирая ушибленный лоб. Интересно, с какого он отдела? Никогда не видела раньше.

- По лестнице мы уже не успеваем. Пойдёмте к лифту.-

распорядился он. Явно начальник какого-то отдела. И бабник. Ишь, как глазами по сторонам стреляет.

Плетусь за ним. Заходим в лифт. Тот ожидаемо переполнен. Всем надо в конференц-зал. Двери закрываются, но лифт не едет. С коридора его снова вызывают. Какой-то толстяк пытается влезть к нам. Толпа напирает на меня, и я не могу ей воспрепятствовать. Меня с силой толкает на этого мужчину как раз тогда, когда он наклонился, чтобы поправить что-то в кармане пиджака. И так снова неудачно вышло. В общем, я случайно коснулась губами его лица. Ну как... Мазнула ими по его губам. Одно это воспоминание вызывает у меня толпу неуклюжих мурашек и лицо мое снова вспыхивает пламенем. Хорошо, что толстяк выходит через два этажа. Я практически выпрыгиваю за ним.

- Куда?- слышу грозный окрик, но не останавливаюсь, лишь оборачиваюсь, следя, как закрываются перед его оскорбленным величеством двери лифта.

- Я лучше пешком!- кричу ему я. Он лишь с неудовольствием качает головой, но мне все равно. Мне хочется быстрее закончить эту пытку совместного пребывания с ним в одном пространстве.

К дверям конференц-зала я прибываю раньше на несколько ценных секунд. Он заходит практически сразу вслед за

мной, но не идёт следом, а идёт к трибуне. Нет. Нет, я не могла так вляпаться...

- Здравствуйте, коллеги, меня зовут Алексей Петрович Лёдов, я ваш новый гендир, - произносит он с лёгкой хрипотцой в голосе и останавливает взгляд на мне, хотя я специально встала во второй ряд прямо за Сук.. Сукновой.

Эх, Сукнова, Сукнова. Не ее даже жаль. Ведь сейчас побежит покупать пирожки и варить кофе. А того не знает, что этот пронзительный изучающий взгляд предназначался вообще не ей.

- Все вы знаете, что ваше отделение находится за чертой рейтинга. Это происходит потому, что ее текущая структура и эффективность не соответствуют тем амбициозным целям, которые стоят перед нами. Для построения лучшего будущего нам нужна абсолютно иная команда. Более сильная. Более сфокусированная. Более результативная. В ближайшие дни я лично проведу беседы с каждым из вас. Цель – оценить ваш вклад, потенциал и соответствие новым задачам. Результатом этих встреч станет формирование обновленного коллектива. Готовьтесь к вопросам. Жду честных ответов. На этом всё.

Он говорил жёстко, прямо глядя каждому в глаза. Женская половина тотчас приуныла. Одно дело - приход начальника- красавчика. Совсем другое дело, когда он своим красивым точечным профилем говорит тебе о твоей некомпе-

тентности и грядущем увольнении. Тут даже Сукнова подобралась. Но в ее глазах ещё горела отчаянная решимость. Она плавно изогнулась, проведя ладонью по волосам, спускаясь по груди вниз.

- Алексей Петрович, у меня много дел. Вы могли бы начать собеседование... с меня....

- Хорошо, - кивнул он, и я поняла где-то глубоко внутри, что в списке на увольнение Сукнова будет первой. Сразу было видно, Лёдов - мужчина видный. И недостатка в женском внимании он не испытывал. Но почему-то именно Сукнова не заставляла его глаза гореть знакомым блеском заинтересованности. И это почему-то радовало. Хотя, какая ей разница?

Сотрудники вяло разошлись по своим рабочим местам, ожидая, когда их вызовут. Первой, как и говорила, вслед за уходящим новым боссом, отправилась Сукнова. Она шла с ним рядом и Анна не могла не отметить, как они хорошо смотрелись вместе - яркая, вызывающая Сукнова и Лёдов с фигурой мачо и поставленным голосом с волнующей хрипотцой.

Впрочем, Сукнова быстро вышла. Анна видела ее платье, промелькнувшее в сторону туалетной комнаты. Не успев додумать, что же там такое произошло, она вздрогнула от резкого звонка внутренней связи. Подняла трубку и мурашки толпами побежали по ее спине.

- Практикантка Маркова. Зайдите.

Глава 3

Я медленно поднялась на слабеющих ногах. Холодная отстраненная интонация не предвещала ничего хорошего.

Коридор к кабинету Алексея Петровича Лёдова тянулся передо мной бесконечной тропой испытаний. Я шла медленно, концентрируясь на каждом шаге. Новые шпильки виляли предательски, грозя вывернуть ногу. Я нервно одергивала подол юбки, ловя в огромном зеркале у лифта свое отражение: бледное лицо с ярким румянцем, слишком широкие глаза. Пустые руки сжимались в кулаки.

Я остановилась перед тяжелой дверью с табличкой «А.П. Лёдов». Глубокий вдох. Два робких стука по массивному дереву.

— Войдите, — прозвучало из-за двери.

Голос ударил, как физическая волна. Низкий, поставленный баритон, звучавший с безупречной дикцией. Таким бы голосом любовные романы читать. В нем вибрировали бархатные обертона, но под ними чувствовалась стальная нить. Ничего удивительного, что по спине сразу побежали толпы мурашек, обгоняя друг друга.

Но я собралась и решительно толкнула дверь. Кабинет встретил стерильной тишиной и безупречным порядком. Алексей Петрович Лёдов сидел за старинным, с резными ножками столом своего предшественника Статского. Каза-

лось бы, с незапамятных времён здесь не появилось ничего нового, но в присутствии Лёдова все смотрелось иначе. Его мощная фигура смотрелась в этом интерьере пугающе органично. Странно, что он ничего не изменил под свой вкус. Ну, возможно, всё ещё будет... Контровой свет от окна за спиной окутывал его сияющим ореолом, оставляя лицо в тени; четко видны были лишь сильные руки, сложенные на столе.

— Проходите, Анна Васильевна, — повторил он. Слова падали отполированными гальками: весомо, безупречно. Он взглядом указал на стул строго напротив.

Как-то неправильно он действовал на меня, этот Лёдов. Или причиной тому случай в лифте? Но я же нечаянно... Так... Носок. Каблук. Не споткнись. Шпильки гулко цокали тишине. Зачем я их надела? Неудобно же... Лучше бы свои старые лодочки на танкетке... Я опустилась на край стула, держа спину прямо. Не хватало ещё горбиться перед начальством. Усилием воли задрала подбородок повыше.

-Вы хорошо себя чувствуете?- спросил он, кинув на меня взгляд.

- Да, а что?- вскинула я подбородок в его сторону...

-Ничего... Я просто подумал, у вас шею защемило... Но если вас ничего не беспокоит, тогда вернёмся к нашим делам.

Ну вот и скажите....

Тишина в кабинете Лёдова была абсолютной, вымороженной, нарушаемой лишь метрономическим тиканьем его дорогих напольных часов и едва слышным шелестом бумаги

под его пальцами. Я сидела, вцепившись взглядом в узор паркета, пытаюсь зачаровать дрожь в коленях. Мои ладони были ледяными и влажными. Внезапно, острое, скручивающее ощущение сжало мне живот. Не сейчас. Только не сейчас!!

Я украдкой скользнула взглядом к часам на стене. 13:07. Время моего обеда. Точное, как швейцарский механизм. Любое отклонение от расписания — даже на пятнадцать минут — выбивало меня из колеи с жестокой предсказуемостью: волны тошноты, судорожные спазмы в кишечнике, давящая головная боль, превращающая мысли в свинцовую кашу. Я инстинктивно сунула руку в карман юбки. Там лежала спасительная карамелька в ярком фантике — мой маленький, проверенный ритуал на случай форс-мажора у Статского. Владимир Ильич только подмигивал, видя, как я суетливо разворачиваю конфету под столом: "Подкрепись, Анечка, работа спорится на сытый желудок!"

Но это был не Статский. Это был Лёдов. Его кабинет дышал стерильным запретом на все человеческое, на все слабое и неидеальное. Достать карамельку сейчас? При нем? Под его тяжелым, сканирующим взглядом? Это казалось кощунством, равносильным признанию в преступлении. Мои пальцы сжали фантик в кармане, но вытащить его — не посмели. Я так просто и сидела, скованная ледяным страхом, ожидая неизбежного. Живот сводило все сильнее, волна дурноты подкатывала к горлу. Я зажмурилась на долю секунды,

пытаясь вдохнуть глубже, сжать зубы. Продержись. Еще минуту. Он же скоро закончит...

- Гуррр

Глубокий, рокочущий, невероятно громкий звук грянул, как удар грома в зале суда. Он вырвался из моего напряженного живота, потряс воздух, отдался в стеклянных витринах и врезался в мое сознание физической болью стыда. Это был не просто звук голода. Это был приговор, вынесенный мне моим собственным телом за опоздание на обед, за трусость, за эту встречу. Я вжалась в спинку стула, ощущая, как жгучий вал крови заливает лицо, превращая его в пылающую маску, добегают до кончиков ушей, делая их крошечными сигнальными огнями катастрофы. Я судорожно сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони до белых пятен, пытаюсь задушить в зародыше следующий стон, но тело, мстя за нарушенный ритуал, выдало тихий, жалобный всхлип, поставивший окончательную, унижительную точку.

Лёдов не пошевелил бровью. Перо в его руке не дрогнуло. Оно продолжало выводить ровные, каллиграфические строки на важном документе. Ни малейшего напряжения не появилось в его позе. Веки не поднялись от бумаги. Лишь движение его правой руки, держащей перо, стало чуть более размеренным, будто он углубился в сложный пассаж текста, а не стал свидетелем физиологического краха подчиненной. Его дыхание оставалось ровным и глубоким — я видела, как спокойно поднимается и опускается темная ткань пиджака на

его груди. Тишина, воцарившаяся после этого "приговора", сгустилась до консистенции мрамора. В ней звучало только неумолимое тиканье часов да отчаянная дробь ее сердца.

Я пыталась сглотнуть ком, стоявший колючим камнем в горле. Глаза заволокло предательской влагой. Смотрела на него, умоляя беззвучно: "Закончи! Отпусти! Дайте мне мою карамельку!" Но он был неприступен, как крепостная стена. Его молчаливое, абсолютное игнорирование моего страдания было хуже любой насмешки. Каждая прожитая в этой ледяной тишине секунда была новым витком пытки. Я чувствовала, как холодный пот стекает по позвоночнику. Голова начинала ныть знакомой, давящей болью. Спазм снова сжал живот.

Наконец, он поставил точку. Твердо, с нажимом. Отложил перо с хирургической точностью параллельно краю стола. Сложил руки перед собой. И лишь тогда поднял глаза. Его взгляд — чистый, острый как бритва лед — скользнул по моему пылающему лицу, задержался на влажном лбу, опустился к смертельно сжатым кулакам на коленях. Ни тени понимания. Ни искры интереса.

— Заполните графу о согласии на обработку данных, — прозвучал его бархатный, безупречно ровный голос, будто звук из другого идеального измерения, где не бывает урчащих желудков и головных болей. Он достал из папки заявление, протянул его через стол.

Его пальцы коснулись бумаги идеально по центру. Без-

упречно.

Я всего лишь протянула руку навстречу. Никогда со мной такого не было. Правду говорю. Лёдов просто сглазил меня. Моя рука как зачарованная дернулась, задела тяжелую подставку, доверху наполненную отборными, идеально заточенными карандашами и ручками. Подставка опрокинулась со звонким ударом о полированную столешницу. Десятки карандашей и ручек выплеснулись на поверхность, закатились под монитор, посыпались дождем на паркетный пол. Несколько штук звонко цокнули, отскочив к моим ногам.

Лёдов замер.

Глава 4.

Его правая рука с дорогой перьевой ручкой застыла в воздухе над важным документом, который он подписывал. Чернильная капля угрожающе нависла над белым листом, грозя его испортить. Он медленно поднял взгляд. Неспешно. Серые глаза впились в мои. Не в хаос на столе, не в рассыпанные карандаши. Прямо в мое лицо. Холодные, тяжелые, как свинцовые плиты. В них не было гнева. Только бездонное, ледяное разочарование. Как будто я подтвердила его худшие ожидания.

— Я... я сейчас все уберу! — выдохнула я, голос сорвался на шепот. Почему-то говорить в полный голос я не могла. Не отрывая испуганного взгляда от его глаз, будто загипнотизированная, не думая, не дыша, я опустилась на колени прямо на холодный паркет. Юбка неловко задралась, обнажив колени, но мне было не до этого. Пальцы, дрожащие и неловкие, заспешили: я хватала ближайšie карандаши, роняя половину из них снова; тянулась под стол, пыля рукавом блузки о дорожную древесину; пыталась зажать в потной ладони сразу несколько штук.

Воцарилась тяжелая, гнетущая тишина. Только мое пыхтение наверняка стало единственным звуком в кабинете, кроме, наверное, тиканья часов.

Сквозь грохочущий в ушах пульс я все равно уловила глу-

бокий, медленный вздох. Я вздрогнула, но не подняла головы. Чувствовала его взгляд на своем затылке. Жгучий. Вот если сейчас он что-то скажет, прокомментирует, я, наверное, просто упаду в обморок. Но спустя мгновение послышался лишь тихий щелчок.

Я поднялась, вкладывая в подставку канцелярию, не удержавшись, искоса бросила взгляд на босса. Лёдов снял очки в тонкой золотой оправе. Положил их аккуратно на стол. Затем поднес пальцы к переносице. Долго, методично потирал ее, закрыв глаза. Его лицо выражало усталость. Не знаю, от меня ли. Скорее от всего этого хаоса, вторгшегося в его безупречный мир.

Он откинулся на спинку кресла, запрокинув голову. И взгляд его не опустился вниз, чтобы встретиться с моим. Он посмотрел в потолок. Или сквозь него, разыскивая какую-то лишь одному ему известную далекую, упорядоченную точку покоя.

Я пыталась собрать все быстрее, но карандаши как нарочно выскальзывали из моих влажных рук, снова катились в разные стороны. Я тянулась за ними, чуть не падая вперед. Жар пылал в моих в ушах, ком отчаяния стоял в горле. Каждая секунда под его молчаливым, отстраненным осуждением была для меня пыткой. Наверное, я была для него пылью. Сором. Неуклюжим пятном на его идеальной реальности. И он просто давал мне это прочувствовать каждой клеточкой своего молчания, каждым движением пальцев у переносицы,

каждым вздохом, который казался мне громче грома.

Наконец, последний карандаш был водворен обратно. Я поднялась с колен, пытаюсь стряхнуть невидимую пыль с юбки. Ноги были ватными. Я не смела взглянуть на него. Просто стояла, опустив голову, ожидая приговора.

В кабинете снова зашуршала бумага. Он вернулся к своему документу, надев очки. Будто ничего не произошло. Будто минуту назад здесь не ползала на коленях его новая практикантка.

— Продолжайте заполнять, Анна Васильевна, — прозвучал его бархатный, бесстрастный голос с басовыми нотками. Он снова протянул мне злополучное заявление. — Не волнуйтесь...

- Хорошо,- я нахмурилась, пытаюсь собрать в кучку оставшееся достоинство.

Прошло ещё несколько минут кромешной тишины.

- Прошу, - я попыталась протянуть ему готовый документ.

- Нет- нет. Оставьте на столе, я потом сам заберу, - остановил он мою попытку. - ... Расскажите мне о ваших задачах у Владимира Ильича, — попросил он, глядя прямо на меня, будто не замечая инициированный им новый прилив краски к моему лицу .

Он наконец перешёл к тому, к чему я готовила целую речь, лишь спустя вечность моих унижений. Я знала, что лицо мое пылает, и что я вся на виду. Но теперь мне было только нужно просто дожить это проклятое собеседование. Потом просто собрать сумку и уйти домой.... Ох, нет, и этого я не могу, рабочий день в разгаре. Проклятие.... Так, нужно собраться.

— Да, конечно! Я... я вела календарь-планировщик, деловую переписку, предварительные переговоры с контрагентами, разбирала его плавки.... Хmmm ... планы на будущую неделю... — Боже мой, но тут-то что со мной? Уже двух слов не могу связать в его присутствии....

Он молча слушал, даже не кивал. Не перебивал. Не задавал вопросов. Просто смотрел на меня и слушал. И это молчание было сильнее всяких слов и оттого невыносимо.

— Когда заканчивается ваша практика по договору со Статским? — наконец спросил он, сделав внушительную паузу после моего рассказа.

— Двадцать... двадцать пятого.

— Этого месяца?

— Да.

Он кивнул, открыл перекидной календарь на нужной дате, и также не торопясь, безупречным почерком внёс мою фамилию, лишь только в этот момент его тонкие губы дрогнули в подобии улыбки.

Для меня было бы недостижимым даром узнать причину этих изменений. Возможно, Лёдов был рад, что встреча со мной уже закончилась. Может быть, что-то ещё, а может, это не было связано со мной вообще. Но в тот миг мой личный рейтинг был в таких глубоких минусах, что даже это было ...вау... и решение тут же уволиться, лишь перешагнув порог его кабинета, сразу пропало.

— Вы свободны, Анна Васильевна. Можете вернуться на свое место, — закончив писать, наконец, объявил он, снова приподняв уголки губ, и встал, делая шаг в мою сторону.

Сначала я решила, что он хочет выйти из кабинета вместе со мной. Но Лёдов как-то умудрился протиснуться вперёд меня и открыл мне дверь. Ну.. И как это понимать? Я чувствовала себя униженной снова. Униженной, тупой деревенщиной, стоящей рядом с образованным интеллигентным мужчиной, который все пытается мне на что-то тонко намекнуть, но я из-за своей толстокожести никак не могу взять в толк, что же он имеет в виду. То ли этот жест означал "пошла прочь, оборванка, да, побыстрее", то ли "леди, разрешите вам помочь и открыть дверь, с которой в начале нашей встречи вышел такой конфуз, целиком по моей вине".

Так и не решив окончательно, я поднялась со стула, намереваясь побыстрее закончить всю эту непонятную сцену, но тут же меня дёрнуло назад так сильно, что я едва устояла на ногах. Ну, что ещё!!! Моя сумка ... предательски зацепилась ремнем за угол стула, за которым я сидела. Хотела снять его

рывком, но как представила, что если сейчас и стул упадет, это будет фиаско. Я вдохнула и выдохнула, выравнивая дыхание, после чего медленно сняла ремень со стула и повернулась к двери. Шаг, другой. Так, хорошо. Я почти на свободе. Ещё чуть-чуть и поедательская энергетика этого места перестанет на меня действовать. Нужно просто переставлять ноги. Шаг...

- Ой! - карандаш, единственный, который я не подобрала с пола, оказался у самой двери и подстроил мне последнюю провокацию. Я поскользнулась на нем и упала бы, если только не сильные руки, что вовремя подхватили ... за голые плечи. Пальцы Лёдова словно обожгли мою кожу. Я готова была расплакаться от того, насколько вся наша с ним беседа пошла наперекосяк.

Лёдов сейчас заполнял собой все пространство вокруг меня, что при его росте и подкачанной в спортзале фигуре, было, в общем-то, несложно. И этот парфюм, который пропитал насквозь весь этот кабинет, не оставляя в нем ничего от Статского, кажется, проник в мой мозг. ... Кто, вообще, позволил Лёдову так обращаться с сотрудниками?! Это нарушает ... конвенции по правам... Ну, существуют же какие-то конвенции, верно? И он их явно нарушает!

Так думала я о Лёдове, злясь на него, потому что злиться на себя просто не могла. Себя мне было жалко. А ему, вообще, с такой сильной мужской энергетикой, дестабилизирующей все в радиусе видимости, должно быть запрещено рабо-

тать в коллективе!

Впрочем, вернёмся ко мне. Итак, именно указанными многочисленными недостатками Лёдова я могу объяснить тот факт, что в какой-то момент я почему-то решила, что шеф загораживает собой дверь не просто так, а специально. Иначе, чего это он до сих пор стоит ко мне так близко, и его руки ещё удерживают меня ... что это было больше похоже ... на объятия ... И, как вы понимаете, терпеть дальше нарушение своих границ я не могла. Поэтому решительно развернулась внутри этих рук и ... уперлась ладонями в его грудь. Пальцы тотчас передали в уже не справляющийся со всем происходящим безумием мозг, какие теплые и напряженные мышцы под тонкой тканью рубашки и нежный шелк галстука. Мне пришлось приложить титанические усилия, чтобы игнорировать происходящее. Ещё шаг, говорила я себе, ещё один шаг и все закончится. Я думала, Лёдов поймет меня, когда я на сантиметр ... но весьма решительно отстранилась от него, и даст пройти. Но вместо этого я услышала над собой его бесстрастный голос, в котором чувствовалась ирония.

— Выход в другую сторону, Анна Васильевна. Позвольте, я помогу. — И он осторожно развернул меня в обратную сторону, заставляя с позором упереться взглядом в искомую дверь в противоположной от меня стене.

Я думаю, я отравлена. Seriously... Ведь, раз за разом, пробивая очередное дно унижения, я все ещё оставалась рядом с мучителем, словно он приворожил меня каким-то колдов-

ским зельем... Ну, или просто у меня ещё не было парня, хотя гормональный фон уже звонил во все колокола. Но об этом знать никому не надо. Игнорируем и все... Кстааати...

И тут я вдруг вспомнила, как Лёдов щёлкал дверной ручкой, когда только я пришла к нему. Он же запер нас! А потом произошло все это! Ага! Все недаром! Вот оно чтоооо... И сейчас он так близко тоже не даром. Ох, права была Сукнова, что-то он сейчас со мной сделает Ах, он начал склоняться ко мне...Его лицо неуклонно приближалось к моему. Надо было что-то делать и срочно!!!

Я судорожно принялась нажимать на ручку двери, та не открывалась, уверяя меня в самых страшных подозрениях. А тем временем Лёдов все наклонялся ко мне, по миллиметру, не сводя пристальных глаз. И я не выдержала ... Нервы же не железные. И я приняла ситуацию. Деваться мне все равно было некуда - передо мной, везде, вокруг был Лёдов. Да я вся пропахла уже им, дышала им. И, как зайчик, загнанный матёрым волком в угол, я просто закрыла глаза. Нет, напоследок еще я гордо вскинула подбородок - пусть знает, что я погибаю гордо и не смирившись.

И в тот самый момент, когда все и могло случиться, я вдруг услышала в крошечной тишине, разрываемой лишь только моим бешеным пульсом, мягкий щелчок открываемой двери. Мои глаза тотчас открылись, осознав очередное поражение. Вся ситуация предстала передо мной совершенно в другом свете, словно с глаз упали шоры.

Гордо вскинутый подбородок поднял мои губы к его лицу ещё ближе, словно я сама, а не он хотел меня поцеловать. Что за чушь! Кто в это поверит?! Я опустила взгляд, следя за его рукой, которой, как мне миг назад казалось, Лёдов собирался меня обнять...он открыл мне дверь. Просто нажал на ручку и толкнул дверь от себя, а не в обратную сторону, как я пыталась. Я невольно подняла глаза наверх, к его лицу. Не знаю, что отразилось на нем, но я снова увидела, как уголки его губ едва заметно дрогнули, поднявшись наверх. Проклятие! Он все понял...

- Осторожнее, здесь порог, Анна Васильевна, - произнес он у самого моего лица. Клянусь, я даже почувствовала его дыхание на своей коже. И в тот же миг все закончилось. Лёдов сделал шаг мне навстречу, а я инстинктивно отступила назад от него, оказавшись в коридоре.

— ...Анна Васильевна, можете опоздать с обеда, я непозволительно долго задержал вас, и пригласите ко мне следующего, пожалуйста, — обратился он ко мне мягко, и, не дожидаясь ответа, сразу закрыл дверь. Прямо перед моим носом.

Прошла, наверное, минута или две, а я все стояла и смотрела на эту дверь. Что это только что со мной происходило? Мои плечи ещё явственно помнили касания его пальцев, а щека - его дыхание. Мое сердце не хотело успокаиваться, и все гнало и гнало, казалось, кровь всего моего организма, в мое лицо. У меня было реальное чувство, что этот Лёдов только что разложил меня прямо на своем столе и лишил

девственности.

Я быстрыми шагами, не заботясь о своей походке, поправляя то юбку, то блузку, почти побежала в сторону дамского туалета, чтобы воочию убедиться в собственном поражении и принять меры к минимизации полученного репутационного ущерба.

Умывая раскалённое лицо, я думала. Я могу, конечно, уволиться с завтрашнего дня, но сегодняшний день ещё не завершился и мне ещё нужно вернуться в отдел, чтобы передать просьбу Лёдова и следующий сотрудник мог испытать свои нервы на прочность.

Я достала косметичку, нанося на лицо тональник. Никто в коллективе не должен узнать о моем падении. Никто. И в этот самый момент за моей спиной стукнула дверь и знакомый голос Сукновой произнес иронично:

-Что, Маркова, теперь ты понимаешь, чем отличается твой Статский от Лёдова?

Глава 5.

Как вы сами понимаете, грязные измышления Сукновой были мне не интересны. Я прошла мимо нее, не глядя, естественно, и молча вернулась за свой рабочий стол.

Я сидела у самой двери и мне было слышно, как то и дело хлопала дверь Лёдова. Сотрудники, все без исключения, словно соревновались в попытках сорвать ее с петель. Но, тем не менее, именно от этой двери их путь шел лишь в сторону кабинета Марии Игнатьевны, нашей кадровички, наверное, единственной, кому, кроме меня, пока не грозило увольнение.

Ее дверь открывалась и закрывалась потише, но в те разы, когда ее закрывать забывали, до меня долетали обрывки фраз:

"...не соответствует требованиям новой структуры..."

"...выговор с занесением..."

"...временное отстранение от обязанностей..."

Мой желудок болезненно сжался. Отстранение... Выговор... Просто так. За одно утро. После моего позорного визита с карандашами, падением и урчанием живота я тоже могла быть в числе уволенных. Меня спасло только то, что я временный работник, и мне так и так уходить. Так себе уте-

шение, если вспомнить, что я хотела остаться в компании, как уже дипломированный сотрудник.

Я сидела, пялилась в экран с открытой таблицей и ровным счётом ничего не понимала, что же нужно мне с ней сделать и зачем.

Из стазиса меня вырвал звонок внутренней связи. Подпрыгнув на стуле, я схватила трубку.

"Анна Васильевна," – бархатный голос Алексея Петровича резал слух, как стекло. – "ассистент отдела Сукнова с сегодняшнего дня на больничном. Поэтому на переговоры вместе со мной сегодня поедете вы. Ну, и будете исполнять обязанности ассистента по крайней мере, до конца больничного Сукновой. Это понятно?"

- Дда, - выдохнула я, казалось, все, что было в лёгких.

- Мне доложили, что вы ещё не спускались в столовую. У вас осталось тридцать минут на обед. Я буду ждать вас в холле ровно в четырнадцать тридцать.....Вы меня поняли?

- Дда.

И он повесил трубку. ... Я просидела ещё, пытаюсь осознать, пугает меня перспектива такого тесного общения с Лёдовым или ...но вскоре мысли вернулись к работе, лихо-

радочной подготовке к поездке, ведь, наверное, надо что-то взять с собой, а что? Этим занималась Сукнова и особо не распространялась о тонкостях. Похоже, меня ждёт очередное фиаско. Уж, наверное, пора смириться и просто принять, что все, что со мной происходит, просто такой отдельный, уникальный вид... нормы...

"И все же, непотопляемая Сукнова отправилась на больничный... Дааа, настали тяжёлые времена."- Так думала я, спускаясь на лифте на первый этаж, в столовую, где заказала омлет и кофе. На большее я уже не успевала. Так ела, отправляя кусочек за кусочком, то и дело посматривая на часы.

Ага, ещё десять минут до назначенного времени. Осталось выйти в холл и подойти к машине. Это минут пять, не больше. Закончив, я встала и пошла на выход. Я была спокойна, так как точно знала, что приду на встречу вовремя...

Высокую и статную фигуру Лёдова я увидела издалека. Он стоял на выходе, у самых дверей, прислонившись спиной к какой-то стойке. Народ обтекал его, как воды бурной реки с перекатами огибают скальный выступ. Заметив меня, он встряхнул руку, чтобы циферблат часов попал в поле его зрения.

- Тринадцать часов пятьдесят пять минут, Анна Васильевна! - как всегда безэмоционально заметил он и передал мне папку,- вот, ознакомьтесь с проектом, пока будем ехать. Мне нужны будут данные. Их не так много, вы справитесь.

"Ну, конечно, я справлюсь, ведь их не так и много", - обиженно проговорила я про себя. Похоже, Лёдов уже составил обо мне представление, и оно было отнюдь не лестным.

Устроившись на заднем сиденье, я думала, что поеду там одна, но вдруг дверь с другой стороны открылась, и ко мне подсел сам Лёдов, тотчас оттеснив мою тощую тушку почти к самому окну.

- Витя, поехали, - скомандовал он, как всегда, вполголоса, но, конечно же, был тотчас услышан.

- Хорошо, Алексей Петрович, - и машина плавно тронулась, сразу вливаясь в ревущий поток на трассе.

В салоне "Бентли" пахло дорогой кожей и незнакомым мужским парфюмом – что-то холодное, как горный воздух. Когда я ездила со Статским, а это было, хоть и пару раз, но памятно, здесь пахло домашним обедом из ланчбокса и лекарствами. И это очень расслабляло. Сейчас же я и дышала через раз, настолько мощная аура Лёдова буквально проморозила весь салон. Оттого я готова была то ли сказать, то ли сделать что-то резкое и не очень продуманное. Потому запретила себе все, кроме как дышать, и сидела, как натянутая тетива на луке.

Искоса кинула взгляд на шефа. Тот же окунулся с головой в свой планшет, что-то писал в нем, потом кому-то звонил. И так продолжалось минута за минутой. И только вот это

полное игнорирование моего присутствия, как ни странно, очень помогло справиться с волнением, и я открыла, наконец, папку. И замерла снова.

Первые же строки знакомого текста ударили по сознанию, как обухом. Это же... мой проект! Тот самый, над которым я корпела ночами еще для Статского! Я тогда только появилась в компании и не знала кто есть кто. Поэтому ничего и не заподозрила, когда Сукнова взялась передать мой проект Статскому. Когда же спустя несколько дней я спросила о нем, та только снисходительно ухмыльнулась: "Деточка, Алексей Петрович не разменивается на фантазии практиканток. Не до того ему, не тот уровень". Я решила, проект сгинул в недрах архива или в мусорке. А он... он здесь! В папке Лёдова! И, похоже, он готов его использовать на реальной встрече с партнёрами!

Сердце забилось так громко! Я украдкой посмотрела на шефа. Тот всё ещё был погружен в планшет. Сказать? После всего того, что я наделала со своей репутацией, этот воскресший проект мог бы меня спасти... Слова так и рвались наружу: "Алексей Петрович, этот проект... это я его писала!" Но язык будто прилип к гортани.

Он наблюдал меня только униженной, неуклюжей, краснеющей перед ним дурочкой. Не видел ни одной моей толковой работы. Скорее, он сочтет меня интриганкой, чем поверит. А если поверит, что проект готовила я, то отнесётся к нему также, как ко мне. Чего доброго, отменит встречу с

партнёрами, и все погибнет окончательно. Нет, не сейчас, не так.

Вдруг Лёдов оторвался от планшета. Его взгляд, тяжелый и аналитический, скользнул по моему лицу, заметил, как я сжимаю папку.

- Что- то непонятно, Анна Васильевна? Вы спрашивайте. Я не кусаюсь.

И снова уголки губ его дрогнули в намеке на улыбку. Ну, зачем же он так? Со мной же так нельзя! Мне ж ещё данные ему давать из этого проклятого проекта...

- Нет, ...гмммм...вопросов нет, - выдавила я, словно остатки зубной пасты на щётку.

- Ну и хорошо.

Это мимолётное расположение показало, как мне, оказывается, важно одобрение Лёдова. И непрощенные слова сами сорвались с моего языка...

- Алексей Петрович, я хотела сказать, что ...

- Алексей Петрович, мы приехали, - повернув к нам голову, в то же время произнес водитель, и я осеклась.

Глава 6

"Грандвояж" встретил нас прохладой мрамора и тихим звоном хрусталя. Партнеры – двое солидных, слегка насто-роженных мужчин. Алексей Петрович был безупречно вежлив, но я уловила тень скепсиса в его глазах. Когда он корот-ко кивнул мне, я начала говорить. Голос, к моему собствен-ному удивлению, звучал ровно и уверенно, будто не мой. Я почти не заглядывала в папку – цифры, аргументы, слабые места были выгравированы в моей памяти бессонными но-чами. Я видела, как партнеры переглянулись, один из них начал едва заметно кивать. Видела, как тончайшая складка – да, удивления! – мелькнула между идеально подстрижен-ных бровей Лёдова, когда я легко и точно ответила на ка-верзный вопрос о рисках, даже не открывая папку. Он мгно-венно взял себя в руки, маска вернулась, но я увидела этот миг.

И – о чудо! – они согласились! Ключевые пункты бы-ли приняты. Алексей Петрович повернулся ко мне, и в его взгляде мелькнуло что-то... похожее на уважение?

- Спасибо, Анна Васильевна. Вы свободны. Мы обсудим детали без вас, – произнес он ровно, но в интонации уже не было прежней отстраненной ледяности. И повернулся к партнёрам.

Я замерла на долю секунды. Свободна? А что теперь?

Ждать здесь? Ехать в офис? Домой?

-А.... но...я хотела бы,- все тише и тише проговорила я и вовсе замолчала.

А все потому, что его поза, его мгновенная переключенность на партнеров ясно говорили: "Ты здесь больше не нужна". Я встала, ощутив вдруг всю тяжесть дня – позор, страх, ярость от молчания, адреналин встречи – сковывающей усталостью. Ноги еле- еле несли меня к лифту.

Я спустилась в пустой кабине вниз и оказалась в холле. Здесь былолюдно. Все смеялись, шутили, бегали дети... в общем, царила непринуждённая приятная атмосфера, полностью диссонирующая с моим настроением. И я сделала решительный шаг вперед, врезаясь, как нож в масло, в чужеродный счастливый мир, и стремясь тотчас его покинуть, потерявшись среди миллионов похожих друг на друга людей, словно я - одна из них.

Но стоило подойти к выходу, как картина всеобщего веселья обрела истинный смысл. За стеклянными дверями бушевал настоящий летний шторм. Дождь хлестал по огромным витринам, заливая мир серой пеленой. Редкие прохожие, уже не скрываясь, не избегая луж, а лишь стараясь удержаться на ногах, в панике искали укрытия в авто и в холле этого ресторана.

Что же мне делать? Встреча оказалась довольно короткой и до конца рабочего дня ещё вагон времени. Ехать в офис? В такую непогоду? И я представила, как появляюсь в отде-

ле насквозь мокрая, вытирая с лица ручейки воды под недоуменными взглядами коллег. Фу.

Остаться здесь? Ждать Лёдова? Но зачем? Ему я здесь уже не нужна. А, может, наплевать на все, и поехать домой? Эта мысль по-настоящему увлекла меня. И я представила, как уже лежу в ванной, теплая вода обнимает меня, приятные ароматы ваннх бомбочек щекочут нос. А потом полотенце, душистое, мягкое, касается твоего тела каждой петелькой..., я протираю мокрой рукой запотевшее зеркало и вижу там ...Лёдова! Одетый в сегодняшний темно-синий костюм, он стоит за моей спиной, потом улыбается так, как делает только он - уголками губ. Он разворачивает меня к себе лицом, проводит подушечкой большого пальца по моим губам, а глаза его ярко голубые, глубоко посаженные, контрастирующие с загорелым цветом его кожи ...по-прежнему холодные, как лёд. Он качает головой укоризненно...

- Эх, Анна Васильевна, только я хотел изменить о тебе мнение, а ты снова ... оказывается, что ко всему ты ещё и прогульщица...

Его лицо склоняется к моему все ниже, ниже, наши губы вот-вот соприкоснутся, я закрываю глаза, не в силах наблюдать все это демоново похищение моей души, и ... и в самый ответственный момент получаю болезненный толчок в спину. От неожиданности меня пинком вытолкнуло из грез в жестокую явь и я растеряннo заозиралась.

Виновник нашелся тотчас и совсем не скрывался. Передо

мной стоял невысокий седой старичок и участливо рассматривал мое лицо.

- Вам плохо, девушка? У вас лицо красное, и вы закрыли глаза... Давление? Сердце? Ох уж эта молодежь, не бережете вы себя. Позвольте, я помогу, доведу до лавочки... Даааа, в мое время девчата были поздоровее... Поди не кушаете совсем, все на диетах...

- Да, на диетах, - поспешно согласилась я с удобной причиной, пока на старика не снизошло озарение. - Мне уже лучше, спасибо, я сама, - отворачиваясь, проговорила я, лихорадочно шаря в сумке рукой в поисках смартфона.

Есть ли предел стыда, который я сегодня ещё испытаю? Мое настроение скачет от абсолютного нуля до точки кипения и обратно. Действительно, как бы мне скоро не потребовалось носить с собой таблетки, как тому старику.

Такси. Вот мое спасение. Я нагло отвернулась от счастливого дедушки и лихорадочно оформила заказ через приложение.

"Автомобиль А576ЩТ марки "Мерседес" серого цвета прибудет через одну минуту", - тотчас появилось уведомление, а за ним другое.

"Автомобиль прибыл на место, водитель ждёт вас у глав-

ного выхода".

Да, неужели! Хотя что-то хорошее за целый день! И я уже без сомнений двинулась навстречу холоду, ветру и шторму - идеальной маскировке чувств, если они буквально отражаются у вас на лице, как новости на телеэкране. Берите на заметку, дарю.

Посетители провожали меня взглядами, словно я Прометей, несущий перед собой горящий факел.

От моего толчка дверь с трудом поддалась, но очень быстро вовсе отлетела, раскрывшись настежь. И стена ливня тотчас окатила меня с головы до ног. Холодная вода мгновенно пропитала тонкий деловой костюм и намертво прилепила его к телу. И если бы на мне не было пиджака, то я шла бы словно в одном кружевном лифчике, щеголяя всеми подробностями второго размера.

Мои пышные пряди тотчас поникли и превратились в тонкие ручейки. Время от времени под порывами ветра волосы стряхивали с себя воду и тогда они то хлестали меня по лицу, то налипали, норовя залезть в глаза и рот. Последней предала тушь, глаза нестерпимо защипало. Но меня такими мелочами было уже не запугать.

И тут я, наконец, поняла, что этот день так просто не закончится. Здесь, в престижном районе города, в "Грандвояже", я никогда не была. Остановок общественного транспорта среди особняков и роскошных вилл не было, да и незачем. И как мне добраться домой или даже в офис? А такси все не

приезжало.

Я ходила по парковке уже минуту и озиралась. Машины подъезжали одна за другой, моей все не было, и мне уже казалось, что они так быстро стартуют не из-за дождя, а из-за того, как же страшно я выгляжу. Нехорошее предчувствие накрывало меня, грозя свалить в позорный плач.

Кинула отчаянный взгляд на экран.

"Водитель включил платное ожидание".

"Водитель отменил заказ из-за неявки пассажира". Практически одновременно пришли два сообщения. Это что, вообще? Ну, как так-то?

И тут мимо меня откуда-то сбоку пронесся автомобиль номер А576ЩТ марки "Мерседес" серого цвета.

-Эй, я здесь! - кинулась я к нему, то ли махая рукой, то ли грозя кулаками. Но тот вильнул, избегая соприкосновения и проехал мимо. Через пассажирские стекла на меня с интересом посмотрели пассажиры- все мужчины очень восточной внешности. Один с заднего сиденья похлопал шофера по спине и тот все же остановился. Стекло с пассажирской стороны опустилось. Показалась бородатая физиономия, приветливо сверкнувшая желтоватыми зубами с золотыми пломбами.

- Эй, красавица, подвезти, да? - обратился он ко мне.

- Это мое такси! Я его вызывала! - крикнула я, невесть откуда набравшись храбрости, игнорируя двусмысленное для данной ситуации высказывание про красавицу.

- Э, дорогая, извини, тороплюсь очень. Садись с нами, довезем, не обидим, да! - покачав головой, ответил мужчина и рассмеялся. - Ну, как хочешь, оставайся!- и он снова хлопнул моего водителя по спине. Тот, не оборачиваясь, включил зажигание, и они уехали, посмеиваясь, и, то и дело оглядываясь на мою удаляющуюся фигуру, из окон.

Заказала Аня такси... Дождь хлестал по мне, но уже не был способен причинить ущерб. А я медленно, но верно погружалась в депрессию.

- Анна Васильевна! Анна Васильевна!- вдруг услышала я откуда-то совсем рядом басистый голос Вити.

Водитель подогнал машину поближе ко мне и теперь звал меня и махал, высунувшись через водительское окно. Я подошла поближе.

- Такси потеряли? Садитесь, вы же промокли, простудитесь! - крикнул он мне, пытаясь перекрыть шум бури.

- Я вся мокрая, Витя, я испорчу салон, и вам попадет от шефа, я не могу. Я сейчас снова закажу такси, все нормально, - ответила я ему и уже собралась вернуться в ресторан.

- Садитесь, иначе мне попадет от шефа за то, что оставил его помощницу под дождем! - настаивал Витя. Я устало пожала плечами и села в салон. Хочет проблем? Со мной их будет много. Пусть разбирается.

- Вот и хорошо. Возьмите полотенце. Я, правда, им стекла протираю, но промокнуть воду оно тоже сойдёт, главное, к лицу его не подносите, - протянул мне мужчина сухую тряпку.

- Спасибо вам, - искренно поблагодарила я. Да, за сегодняшний день для меня не было лучше и нужнее подарка, чем этот. Я промокнула волосы, потом сложила тряпку и подстелила под себя, чтобы та впитала воду с костюма, пока я буду сидеть.

- Скоро придет шеф, сначала я отвезу его, потом вас. Он не будет против, не переживайте. Это он с виду суровый, на деле - порядочный мужик.

- Но...

- Если не хотите ехать с нами, снова вызовите такси, только подождите его в машине, не выходите, пока она не появится.

- Ладно...

Перспектива встретиться с Ледовым, чтобы он в который

раз наблюдал меня в никаком состоянии, откровенно пугала. Я его и в подготовленном виде едва переносу, а тут такое... Нет, спасибо, плавали, знаем. И я повторила заказ. "Ожидайте, мы ищем водителя по вашему заказу" - пришло сообщение. Ну, ищите, я готова, я жду.

Витя включил печку, и в салоне стало тепло. Я быстро согрелась, и перестала лязгать зубами. Я всё ещё была мокрая, но уже теплая, и в безопасности. И ничего удивительного, что эти два фактора как-то незаметно сыграли против меня.

Мягкое уютное кресло, монотонный стук дождя по крыше, ровный гул двигателя... Напряжение последних суток – позор утра, страх увольнений, ярость от украденного проекта и собственного молчания, адреналин встречи – накрыли меня теплой, тяжелой, неодолимой волной. Я боролась, честно ... минуту... еще... и вдруг полностью потеряла контроль над ситуацией. Вследствие чего и совершила немыслимое - заснула в машине шефа.

Мне снилась какая-то тарабарщина. Будто бы пришел сам Лёдов и сел рядом.

- Ты ничем не поил мою ассистентку, Витя?- спросил он, принюхиваясь.- От нее пахнет спиртом с нотками отдушки. Где она могла ...

- Да это мое полотенце, которым я протираю окна, шеф. Я дал его Анне Васильевне. С нее текло, как из ведра.

- Да? Отлегло. А почему она не уехала на такси? Я выглядывал в окно, и видел, как она садилась.

- Таксист взял более платежеспособных клиентов. Сами знаете, что это за район, Алексей Петрович.

- Ну, что имеем, то имеем. Тогда мы сначала отвезем девушку к ней домой, потом отвезём меня. Мне надо немного поработать.

- Хорошо.

Потом я погрузилась в сон глубже, только моя голова беспокойно моталась из стороны в сторону на ухабах. Но я так устала, что мне было уже все равно. Я же жду такси. Сейчас оно приедет и я поеду домой. Плевать, как я выгляжу.

В какой-то момент моя голова очень удобно примостилась на чем-то теплом. Я вдыхала чистейший горный воздух, погружаясь в сон все глубже. О, это я на лыжах спускаюсь с отвесного склона! Всегда хотела. Как здорово! Но тут из-за поворота вдруг появился Лёдов. В ярком сине-голубом лыжном комбинезоне. Он подъехал ко мне, снял блестящую маску и принялся звать.

- Анна Васильевна!

- Анна Васильевна! Приехали!

- Чего вы кричите мне в самое ухо? Ну откуда вы взялись опять!- рассерженно ответила я, - я только начала кататься!

- Нет, мы приехали!

- Не мы, в вы, я останусь... это вы езжай- те куда хотите...

- Анна Васильевна! Просыпайтесь!

- Да я не сплю, вы же видите сами, я же катаюсь на лыжах. Как можно кататься и спать одновременно, ну, вы скажете тоже, - и я рассмеялась. И от того проснулась.

А проснувшись, увидела напротив себя опять эти глаза, как то небо, что видела во сне. Лёдов, крокодил его пожри!!! Это же сам Лёдов!!! А я? А я опять ...тону в его объятиях. Гормональная собака женского рода! Где я? Как такое могло произойти? Меня снова подставили!

Я заозиралась с бешеными глазами. На мне был плед. Теплый, толстый, весь пропахший парфюмом Лёдова. Понятно, почему мне было так уютно в нем и снилось непонятно что. Машина стояла, но мы были уже не у "Грандвояжа", а прямо у моего подъезда! В руке я держала смартфон. Как уснула с ним, так и проснулась. На его экране все еще горела одна запись "Мы подбираем водителя для вашего заказа. Ожидай-

те." Ага, ожидаю. Приехала уже!

- Простите, - проговорила я, резко отпрянув от Лёдова в противоположную сторону.

- Осторожно, не ударьтесь о притолоку. Вы заснули в дороге. Но мы уже приехали. Вот ваш дом. Отдыхайте хорошенько. Завтра в девять не опаздывайте. У меня с утра для вас будет много срочной работы.

- Э... да? Хорошо. Извините, - я приподнялась и вытащила из-под себя полотенце Виктора, - возьмите, мне больше не нужно, - отдала я ненужную вещь Виктору. Тот, кстати, держался молодцом, даже бровью не повел, а видок у меня, скорее всего, тот ещё.

- До свидания, Анна Васильевна, - проговорил уже нетерпеливее Лёдов, следя, как я постепенно и неключе пробираюсь к выходу. - Витя, помоги Анне Васильевне выйти, открой ей дверь. ...Ваша сумочка...

И он передал мне мою сумочку. Потрепаную, с порепанной ручкой, из кожзама, сумочку. На фоне его безупречной фигуры, дорогого костюма, моя сумка в его руке выглядела словно мусорный пакет, который он сейчас протягивал мне, чтобы я выбросила на помойку. Но, будучи по крови джентльменом, ни сказал ни слова. Я забрала свою вещь. Ни-

чего. Ничего. Я сейчас буду дома. Ещё пять минут и можно будет выпустить эмоции. Ещё пять минут.

Дождь уже только накрапывал, и я быстро достигла подъезда. За день со мной случилось так много событий, что и свой дом, и подъезд, я видела так, словно вернулась сюда через много лет.

После салона машины Лёдова, мой подъезд и лифт казались какими-то декорациями фильма ужасов или кадрами документального кино про американский Гарлем.

Дверь лифта с лязгом открылась на моем этаже. Я вышла на знакомую, пахнущую старым линолеумом и чужими ужи-нами лестничную площадку.

У соседней квартиры соседка, баба Люба, тоже копошилась у двери, нажимая на кнопку звонка. Здесь тут же открыл, впуская старушку в яркое, шумное и теплое нутро квартиры.

- Мама, ну вы, как всегда, все на руках, я же обещал заехать и забрать ваши сумки, - проговорил ее зять.

- Бабушка, бабушка!- Бабу Любу с двух сторон облепили внуки, - смотри, что я слепил!

- Да погодите, дайте раздеться хоть...

- Здравствуй, Аня, - кивнул мне зять, - что, хороша по-

годка?

- Да, хороша, - улыбнулась я в ответ.

Мгновение, и дверь в соседнюю вселенную захлопнулась, отсекая меня от этого островка тепла, суеты и жизни... А я опять осталась на пустой площадке, как в чистилище. Ни туда, ни сюда.

Тишина в подъезде стала вдруг абсолютной и гулкой. Я постояла секунду, ощущая холодную влажность одежды, прилипшей к телу, и эту оглушительную тишину за спиной. Потом нашарила в кармане пальто холодный ключ. Единственный ключ на моей связке. Вставила его в скважину замка, тугую, всегда требующую усилия, повернула. Щелчок прозвучал слишком громко, как в тоннеле или древней пещере, где никогда не было людей. Я толкнула дверь и шагнула в темноту крохотной прихожей, привычно щелкнула выключателем. Резкий свет дешевой лампочки ослепил на мгновение.

Запах пустоты. Пыли. Одиночества.

Не раздумывая, не снимая даже промокших туфель на шпильках, я пошла вперед. Пиджак делового костюма полетел на пол уже возле двери. Юбка упала комом на холодный линолеум где-то на полпути к спальне. Я дошла до узкой кровати, стоящей у стены в единственной комнате, и рухнула лицом в подушку. Холодная ткань костюмной блузки неприятно прилипла к коже. Мне было все равно. Я потянула на

себя край покрывала, накрылась им с головой, как саваном, и провалилась в черную, бездонную яму сна. Без снов. Без мыслей. Просто небытие.

Глава 7

Взрыв. Резкий, пронзительный, дребезжащий. Будильник на тумбочке вырвал меня из небытия ровно в шесть утра. Я вскинулась, как подброшенная пружиной. Всклобоченная, с тушью, размазанной по щекам (о Боже, я даже не смыла макияж!), с затекшими мышцами от неудобной позы. Я чувствовала себя разбитым, грязным привидением.

Стараясь не встречаться с собой глазами в зеркале, я побрела в санузел. Стянула помятую блузку, юбку, колготки – весь вчерашний доспех неудачницы. Сбросила их на пол ванной. Потом залезла под душ. Включила воду погорячее. Почти обжигающие струи хлестнули по коже, смывая остатки туши, лака для волос, липкий пот страха и позора вчерашнего дня, запах его дорогого одеколона с того чертова пледа. Я стояла, подставив лицо потоку воды, и просто дышала. Пар заполнял крошечное пространство. Дом. Тепло. Вода. Единственные точки моей опоры в этой жизни.

Вышла, завернувшись в большой, жестковатый, но чистый банный халат. Не включая свет в комнате, прошла к кухонной стойке. Кофе. Священный ритуал. Я насыпала в кофемашину ложку ароматной, терпкой смеси, нажала кнопку. Аппарат заурчал, зашипел, наполняя комнату божественным, бодрящим ароматом. Я закрыла глаза, вдыхая его, чувствуя, как понемногу возвращаюсь в свое тело, в эту реаль-

ность.

Забрала горячую, почти обжигающую чашечку. Согрела ладони. Сделала первый глоток – горький, крепкий, живой. Постепенно, с каждым глотком, скованность уступала место слабой, но упрямой бодрости. Я подошла к окну. Занавеску не раздвигала, смотрела сквозь щель между полотнищами. Улица внизу была еще пустынна, погружена в предрассветную серость, кое-где подернутую желтыми пятнами фонарей. Мир спал. Я была одна. Но уже не призрак.

Мой взгляд скользнул вниз, на подоконник. Там, в луче уличного фонаря, стоял он. Мой приятель. Колючий, неказистый кактус в дешевом пластиковом горшке. Земля вокруг него была растрескавшейся. Моя комнатная мини пустыня.

- Ох, малыш, – прошептала я нежно. – земля-то совсем сухая... Дай-ка я тебя полью. Тяжело тебе? Но нам же не привыкать, да?

Я поставила чашку, взяла крошечную лейку для цветов с длинным носиком. Налила в нее немного воды из-под крана. Поднесла к горшку.

- Пей, колючка. Прорвёмся, – и осторожно, тонкой струйкой, полила потрескавшуюся землю вокруг его зеленого, терпеливого бока. Вода впитывалась мгновенно, оставляя темные пятна. Он стоял. Молчал. Кололся. Жил. ...

В офисе было ещё тихо. Я пришла немного раньше, чем всегда. Но только я собиралась подготовиться к рабочему

дню, просмотрев, что было сделано вчера, наметить, что нужно сделать сейчас и срочно, как в пустом кабинете прямо на моем столе раздался звонок внутренней связи.

- Анна Васильевна, доброе утро, - прозвучал в трубке почему-то холодный голос шефа. Вроде, он вчера вечером уже не был таким? Или я все не так поняла?

- Доброе утро, Алексей Петрович.

- Зайдите ко мне и принесите то письмо, что вы вчера печатали, - безупречно- вежливый тон не изменился. Но

на меня словно повеяло арктическим холодом.

- Хорошо.

Я вошла в кабинет, едва сдерживая учащённое биение сердца. Кабинет уже привычно был пропитан ароматом дорогого кофе и его холодным парфюмом — кедром и горным воздухом. После вчерашнего вечера мне казалось, что что-то человеческое в нем есть... И это стирало границы, но сейчас я сомневалась в своих выводах.

Когда я вошла и снова поздоровались, Лёдов даже не поднял на меня глаз, уткнувшись в монитор. Его пальцы быстро и отточенно печатали. Я замерла перед массивным дубовым столом, ожидая, что он вот-вот взглянет на меня, кив-

нет, может быть, даже улыбнётся той сдержанной улыбкой, которую я себе вообразила.

Но ничего не происходило.

Минута. Вторая. Пятая. Я слышала лишь стук его клавиатуры и тиканье напольных часов в углу. Моё первоначальное ожидание начало медленно таять, сменяясь неловкостью, а затем и глухой обидой. Я почувствовала себя непрошеной гостьей, помехой. Сердце сжалось. Наконец, я сделала робкий шаг назад, решив положить папку на край стола и бесшумно уйти.

— Мы люди взрослые, Анна Васильевна, — вдруг раздался его ровный, без единой эмоции голос. Он всё ещё не смотрел на меня. — И эта компания — место для профессионалов. Я не жесток с сотрудниками. Ведь так? У вас ко мне нет претензий?

Вопрос прозвучал как ловушка. Он знал, что я не смогу ничего сказать.

— Нет, — прошептала я, чувствуя, как горят щёки.

— Тогда вы поймите и меня. Все документы должны оформляться с точным, до миллиметра, соблюдением внутреннего регламента. А что я вижу? — Он, наконец, поднял на меня глаза. Взгляд был абсолютно пустым. — Отступ не два сантиметра, а два с половиной. Что за ненужные инициативы? Запятые не на своих местах. Сколько у вас было по

русскому языку в школе, Анна Васильевна?

Прежде чем я успела что-то ответить, он плавным движением открыл верхний ящик стола и извлёк папку с моими документами. Сердце у меня ушло в пятки. Он изучал моё личное дело, листая страницы с тихим шуршанием. Я забыла, как дышать.

— Практика у вас до которого числа? — спросил он, не глядя на меня. — До двадцать пятого, — голос мой прозвучал сипло. — М-м-м, — он скептически кривил губы, пробегая глазами характеристики. — Ну, хорошо. Что вы мне сейчас принесли?

Я молча протянула ему документ. Он взял его и погрузился в чтение, откинувшись в кресле. Минута. Вторая. Третья. Тишина давила на виски. Затем он, не глядя на меня, наклонился, взял свою перьевую ручку и на обороте последнего листа своим каллиграфическим, чётким почерком начал что-то писать.

— Ну, я тут уже править не стану, мне проще здесь, с чистого листа, написать. Просто перепечатайте этот текст, Анна Васильевна. Ничего от себя добавлять не нужно. Это понятно?

— Да, — у меня пересохло в горле. — Приступайте, — он бросил исправленный лист на край стола, снова уставившись в монитор.

Я потянулась за бумагой, задев рукавом небольшой фла-

жок на столе. Он качнулся. — Осторожнее, — его голос прозвучал резко. — Не спешите.

Я вышла, чувствуя на себе его взгляд. Перепечатала всё слово в слово, буква в букву. Вернулась и молча положила исправленный документ перед ним.

Он взял его, снова откинулся в кресле, а затем, с преувеличенной театральностью, поднял лист к свету настольной лампы, ловя луч, чтобы увидеть бумагу насквозь. Демонстративно изучал, кивая своим мыслям.

— Уже лучше, — заключил он. — Но подправьте тут. И тут.

Он взял красную ручку и с отвратительной, хирургической точностью вывел в двух местах пропущенные запятые.

— Не надо... — вырвалось у меня сдавленно, против моей воли.

Он поднял на меня глаза. В них не было ни злости, ни раздражения. Только холодное, безразличное превосходство.

— Если не умеете думать головой, Анна Васильевна, будете думать ногами. Перепечатать. И на этот раз — идеально.

Я забрала бумагу и ушла. Тепео я не торопилась с исправлениями. Я перепечатала текст полностью и просто сидела. Здоровались с приходящими сотрудниками, кому-то кивала, кому-то передавала скрепки. Через пару минут я немного отошла от стресса и даже рассмеялась чье-то шутке.

- Анечка, а ты не видела ещё моих фото с отпуска? Посмотри...,- Наталья, девушка немногим старше меня, протянула мне пачку распечатанных фоток,- все уже видели, а ты нет. Это я в Дубае.

- Да ты что?,- воскликнула я и взяла одно фото из предложенных в руку, - а это кто?

- Это мой парень и его друзья.

- Как фотомодели...

- Да, мне все сегодня сказали, - счастливо засмеялась девушка.

- Анна Васильевна, мне долго вас ждать? Или вы решили приучить начальство приходить к вам за подписью? Этого не будет. Где документ? Берите его и пойдёмте. - Лёдов появился в нашем отделе так неожиданно, словно гром посреди ясного неба.- А это у вас что? Чем вы увлекаетесь в рабочее время, позвольте полюбопытствовать?- и Лёдов выудил своими тонкими длинными пальцами фото из моих рук.- не рано ли интересуетесь? Нет, я не ханжа, но это мой офис, и потрудитесь соблюдать трудовую дисциплину.

Он кинул мне на стол злополучное фото, игнорируя Наталью с пачкой остальных карточек, могильную тишину в пе-

реполненном офисе, и вышел в полной уверенностью в том, что я сейчас резко встану и побегу за ним.

- Извини, - протянула я мятую карточку девушке.

- Да ладно, - отреагировала она, как-то странно на меня взглянув и тотчас побежала на другой конец кабинета, где сидели ее две подружки.

А я встала, взяла документ и пошла на казнь. Что с ним сегодня, мяса не ел? Или он девственницами питается?

Когда я вошла в кабинет Лёдова, он говорил по телефону, и жестом приказал мне сесть. Ну, уже куда ни шло.

- Нет.

- Нет, я сказал.

- Нет, принятых решений я не обсуждаю.

И он повесил трубку.

- Давайте сюда, - обратился он вдруг ко мне и я вздрогнула от неожиданности.

Я вложила документ в протянутую ладонь, нечаянно касаясь его холодных пальцев. И тут произошло что-то необыкновенное. Не глядя на текст, шеф просто взял и подписал

его.

- Мне сейчас нужно отъехать. До конца дня меня не будет. Принимайте все звонки, записывайте, завтра мне передайте. Это понятно? - уже "нормальным" тоном обратился он ко мне.

- Хорошо, - пожала я плечами.

- Тогда можете идти.

Ну, я встала и пошла. Кажется, такой приказно- распорядительный тон общения уже становится привычен мне и почти не ранит. Скоро я вообще не буду замечать этого, а потом ... потом я стану свободной.... Но все равно, мне никак не понять, что на него такое нашло сегодня. Или это вчера на него нашло, а именно сегодня он был в своей аномальной норме?

Глава 8.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.